

А. Н. Веселовский

Вилла Альберти

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В38

В38 **Веселовский А.Н.**
Вилла Альберти / А. Н. Веселовский – М.: Книга по Требованию, 2024. – 401 с.

ISBN 978-5-518-07891-8

ISBN 978-5-518-07891-8

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

свои очаги подъ знаменами великихъ народныхъ поэтовъ. Откуда вышла эта потребность переменъ, какими путями она проходитъ къ осуществленію, какая борьба должна была происходить между старыми и новыми началами,—все это тайна переходной эпохи, эпохи борьбы и страданій между двумя побѣдными кликами, которые когда-то тамъ раздавались и теперь раздадутся здѣсь, на сторонѣ новыхъ началъ. Съ этой точки зрѣнія мы посмотрѣли на періодъ, надъ которымъ Феррари пролилъ столь горькія слезы. Разумѣется, какъ и всякая переходная эпоха, онъ не блещетъ великими именами; но развѣ это даетъ право сказать, что литература молчать, поэзія нѣмотствуетъ? Великіе люди являются обыкновенно въ концѣ развитія символическимъ выраженіемъ принципа, побѣдно прошедшаго въ жизнь (Данте, Петрарка, Боккаччо); за ними толпа подражателей, набожно хранящихъ ихъ память, разбрелась по сжатому полю и собираетъ забытые колосья, думая что дѣлаетъ дѣло; и въ то же время новые сѣятели вышли на свѣжую ниву, приготовляя будущую жатву и торжество новаго принципа, воплотить который снова суждено великому человѣку будущаго. Такова въ нашъ періодъ противоположность *дантовской и классической школъ*,—противоположность иногда сплывающаяся, потому что не ограниченная одною теоріей, но перешедшая въ жизнь, потому что иногда люди разныхъ партій вышли изъ одного прошлаго, и не всѣ одинаково умѣли отъ него отрѣшиться и одинаково страстно отдаться привлеченіямъ новизны. Оттого и на людяхъ и на всѣхъ явленіяхъ переходной эпохи одинъ и тотъ же смѣшанный колоритъ непримиренныхъ противоположностей, неразрѣшенныхъ противорѣчій, гдѣ свѣжія краски легли на старый грунтъ, и, на оборотъ, въ подѣлкѣ, обличающей самое современное происхожденіе, иногда объявится черта, напоминающая старое доброе время.

Современные итальянскіе критики обыкновенно обходятъ молчаніемъ эту пограничную полосу въ исторіи своей литературы, или отдѣлываются отъ нея цемными словами. Причина тому отчасти въ недоступности матерьяловъ, большею частью покоящихся въ пыли библіотекъ и, можетъ быть,

въ особенностяхъ литературныхъ теорій, господствовавшихъ въ Италиі за послѣднее время. Въ стремленіи объяснить ея исторію послѣдовательнымъ проявленіемъ *одного культурнаго принципа* не чувствуется ли отголосокъ тѣхъ политическихъ надеждъ, которымъ суждено было такъ долго не осуществиться? Для писателей неогвельфской школы напр., съ Джъоберти во главѣ, вся итальянская культура построена на христіанской идее, все что въ ней великаго и важнаго должно быть отнесено на счетъ христіанства. Критики старой либерально-агитаторской партіи, вродѣ Сеттембрини, весь смыслъ итальянскаго развитія сводятъ наоборотъ къ протесту противъ папства во имя свободы и національнаго единства, во имя началъ, ведущихся отъ языческаго Рима, противъ христіанскихъ. Точно также для Кардуччи вся исторія итальянской мысли представляется одною сплошною *реставраціей*, весь прогрессъ состоитъ въ возвращеніи къ прошлому, къ антику. Ему говорятъ, что неумѣренная страсть къ древности людей XV и XVI столѣтій была несвоевременна, что она прервала національное преданіе въ литературѣ и искусствѣ, помѣшавъ ихъ органическому развитію. «Я, какъ итальянецъ, не могу даже допустить сомнѣнія относительно того, было ли полезно или нѣтъ для оригинальности европейскихъ литературъ, что сохранились и были найдены вновь памятники греческой и римской древности; что касается до тѣхъ, которые утверждаютъ, что научное движеніе XVI вѣка было несвоевременно и выходило изъ коленъ народныхъ преданій, то я это рѣшительно отрицаю. Въ переломныхъ средневѣковой Италиі все было реставраціей, по крайней мѣрѣ все, что дѣлалось и чувствовалось—ощущалось какъ реставрація. Данте вѣровалъ въ возстановленіе, когда бы то ни было, римской имперіи съ Цесаремъ на Капитоліи, и писалъ по-латыни; по-латыни писалъ и Петрарка въ ожиданіи, что латинскій языкъ станетъ гражданскимъ языкомъ обновленной Италиі, и страстными желаніями предупреждая республику Сципіоновъ. Хронисты XIII вѣка называютъ Флоренцію дочерью Рима, рассказываютъ, что она построена Цесаремъ по образцу Рима, въ феодалахъ Фьезоле, враждебныхъ республикѣ, видятъ потомковъ Катилины,

принявшихъ отъ него по наследству непріязнь къ сенату; имелитые роды въ первой старинной чертѣ города влчатыя чистотою римской крови, такъ что Полиціанъ имѣлъ нѣкоторое основаніе назвать Флоренцію городомъ Меонійскимъ (меоніа) и выразиться о ней, какъ Катуллъ о современномъ ему Римѣ, что въ нее цѣлкомъ перенесены Аѳины. Если жители Павіи вплоть до конца прошлаго столѣтія праздновали Бозцію, какъ святому, если Мантуя считала святымъ своего Виргилія, чекала мопету съ его изображеніемъ, украшая имъ свои свободныя знамена и въ праздникъ Св. Павла воспѣвая гимнъ, въ которомъ апостолъ язычниковъ проливалъ слезы на гробницѣ поэта; если наконецъ Данте, отвѣчая повѣрью своего времени, помѣщалъ въ раю Траяна, — что удивительнаго въ попыткѣ Флчина вставить въ обиходъ католической обѣдни нѣсколько фразъ Платона? Когда Помпоній Летъ изъ любви къ римской древности, которой онъ посвятилъ свободолубивый и гордый духъ и бѣдную жизнь, измѣнилъ въ языческія христіанскія имена членовъ своей академіи, если велъ счисленіе времени по календамъ и въ годовщину основанія Рима простирался ницъ вмѣстѣ съ своими передъ статуей Ромула Квирина, — развѣ не было все это слѣдствіемъ, если хотите фантастическимъ, но все же слѣдствіемъ того, что итальянское возрожденіе было освящено во имя античнаго Рима, съ того самаго дня, какъ въ виду города апостоловъ и мучениковъ брешьянскій мопехъ воззвалъ къ народу: возстановимъ капитолій, возобновимъ сенатъ, всадниковъ, консуловъ и трибуновъ. Такимъ образомъ классическое движеніе XV вѣка выходитъ непосредственно изъ политическаго движенія XII стол., т. е. изъ протеста римскаго туземнаго принціпа противъ германскаго феодалнаго и противъ папства. *)

Въ главныхъ положеніяхъ нельзя не согласиться съ этимъ широкимъ синтезомъ итальянскаго развитія. Въ извѣстныхъ границахъ принимаемъ его и мы. Фердинандъ Вольфъ, — кото-

*) G. Carducci, введеііе въ его изданіе итальянскихъ стихотвореній Полиціана (Firenze, Barbèra) стр. X—XII.

раго предилекціи романтической школы увлекли къ изученію испанской драмы и старофранцузскаго эпоса и удалили въ той же мѣрѣ отъ занятій итальянской литературой, былъ не далеко отъ того же мѣстна. Итальянцы представлялись ему эпигонами римской цивилизаціи, они ее продолжаютъ, не оригинальны какъ всякіе продолжатели; въ самыхъ раннихъ ихъ произведеніяхъ онъ не прочь подглядѣть извѣстнаго рода манерность, отсутствіе наивности—общіе признаки всякой эпохи упадка. Такимъ образомъ промежутокъ между языческимъ Римомъ и христіанской Италіей исчезаетъ, или лучше сказать нѣтъ ни того ни другаго, а есть *одинъ* организмъ, живущій цѣлые вѣка и изживающійся иногда до неузнаваемыхъ послѣдствій, подъ впечатлѣніемъ разныхъ случайностей и постороннихъ началъ. Та же идея *одного организма* лежитъ и въ основаніи книги Burkhardt'a, *Die Cultur der Renaissance in Italien*, если мы точно поняли ея общее направленіе. И для Burkhardt'a Италия есть главнымъ образомъ страна классическихъ преданій, въ жизни, литературѣ и искусствѣ; эти преданія онъ противопоставляетъ понятіямъ и цивилизаціи сѣвера; носителями этихъ преданій для него являются безразлично Данте и Петрарка, ученые XV, литераторы XVI вѣка; иногда онъ готовъ заглянуть и по ту сторону Данте и въ знакомыхъ Лудпранда отыскать черты тѣхъ вполне сложившихся характеровъ, которыми люди итальянскаго Renaissance такъ рѣзко отличаются отъ своихъ сѣверныхъ сверстниковъ. Отъ Лудпранда легко взойти еще выше, на встрѣчу римской древности, которая никогда не умирала, относительно которой все позднѣйшее развитіе Италиі легко можетъ представиться одною перемежающеюся реставраціей. По слѣдамъ Burkhardt'a, пользуясь его выводами, мы слова пришли къ тезису Кардуччи.

Что такое огульное опредѣленіе по необходимости ступаетъ всѣ частные процессы исторической жизни—понятно само собою; но оно не разрѣшаетъ и вопроса, который его вызвалъ и насъ интересуется въ особенности. Кардуччи отрицаетъ несвоевременность, ненациональность и относительный вредъ классическаго возрожденія XV—XVI-го вѣковъ, на

томъ основаніи, что вся итальянская цивилизація не что иное какъ вѣковое возрожденіе. Намъ стало быть придется отказаться отъ обычнаго опредѣленія «Renaissance», какъ эпохи отмѣченной усиленнымъ возвращеніемъ къ латинской древности; или, если удержать эту характеристику, отъ которой не откажется и Кардуччи, отрицать основной классической принципъ, лежащій въ основаніи всей итальянской культуры и дающій намъ ключъ къ ея уразумѣнію. Вѣрнѣе всего придется сознаться, что опредѣленіе вѣрно въ томъ и другомъ случаѣ, и что вмѣстѣ съ тѣмъ явленія, которыя оно берется объяснить, въ высшей степени раздѣльны, своеобразны, отличны другъ отъ друга, иногда другъ другу противоположны. Вопросъ, очевидно, былъ дурно поставленъ, если мы могли придти къ такому двудличному результату.

Что итальянская культура вышла главнымъ образомъ изъ туземныхъ классическихъ началъ, въ этомъ, кажется, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Иногда можетъ казаться, что они забыты или отгѣснены на задній планъ, чтобы заявить снова свою неисчерпаемую жизненность при первомъ удобномъ случаѣ, какъ было напримѣръ въ XI вѣкѣ; но ихъ присутствіе продолжаетъ ощущаться, хотя и глухо, въ самые темные періоды исторіи. Что римское литературное преданіе сохранилось въ грамматическихъ школахъ Италіи въ VII—VIII столѣтіяхъ и позже, доказано теперь до очевидности трудами Озанама и Гизебрехта, причемъ не мѣшаетъ сличить рецензію Палермо на книгу послѣдняго. Стихи Альфана, Гуайфера и т. п. прямо указываютъ на незабытые классические образцы; въ пѣсни стражей города Модены во время осады его Венграми (904 г.) и тому подобныхъ произведеніяхъ, обнародованныхъ Дюмерилемъ, отзывается то же поэтическое преданіе, уже лишенное школьнаго характера, хотя и не вполне народное. Но мы вправѣ предположить и послѣднее, хотя благодаря методу, котораго до сихъ поръ держались при изданіи памятниковъ средневѣковой латинской поэзіи, мы не можемъ доказать это удовлетворительнымъ количествомъ фактовъ. Du Meril, Schmeller, Grimm, Wright, Haupt и другіе, шедшіе по ихъ слѣдамъ, ограничиваются большею частью

воспроизведеніемъ старинныхъ сборниковъ, или сами собираютъ по разнымъ рукописямъ, этнографическое опредѣленіе которыхъ всегда трудно, а этнографическое распредѣленіе заключающагося въ нихъ матеріала почти никогда невозможно. Такимъ образомъ мы не въ состояніи услѣдить, что въ нихъ принадлежитъ классической традиціи каждаго народа и сохранились-ли латинскіе образцы той народно-поэтической дѣятельности, которая въ Италіи должна была предшествовать итальянской поэтической школѣ.

Какъ бы то ни было латинская традиція должна была сильно держаться въ обществѣ и народѣ, когда въ началѣ X-го вѣка панегиристъ Беренгара могъ сказать о себѣ, что на его стихи никто не обращаетъ вниманія, потому что и въ городѣ и въ деревнѣ нѣтъ ни одного, кто не могъ бы сложить такихъ же. Церковь относилась ко всему этому отрицательно; въ Италіи она никогда не играла той образовательной роли, какую принимаетъ на сѣверѣ; сильное преданіями классической образованности общество стояло выше ее во многихъ отношеніяхъ. Оттого она оппозируетъ его стремленіямъ къ родной старинѣ, какъ впоследствии объявить себя противъ начинающейся итальянской литературы, противъ Данте и Боккаччо, и если блестящая декорация Renaissance XV—XVI-го вв. увлечетъ ее на время въ лицѣ нѣкоторыхъ великихъ папъ, то и въ этомъ случаѣ честь почина остается за обществомъ. Мы не можемъ не привести по этому поводу отзыва Ваттенбаха о панегиристѣ короля Беренгара: «былъ ли сочинитель духовное лицо, или человекъ свѣтскій, изъ его труда не видно; во всякомъ случаѣ онъ обязанъ своимъ образованіемъ не церкви, а какому нибудь изъ тѣхъ грамматиковъ, которыхъ дѣятельность въ Италіи никогда не прекращалась. Заслуга Вильгельма Гизебрехта въ томъ, что онъ въ первый разъ доказалъ, какъ эти школы въ Италіи всегда продолжали существовать, распространяя между свѣтскими людьми такую степень образованности, о какой по ту сторону Альповъ не имѣли понятія. Въ Италіи, говоритъ Виповъ въ XI столѣтіи, вся молодежь ходитъ въ школу, и только въ Германіи считаютъ ненужнымъ и неприличнымъ обучать мальчика,

если онъ не назначается въ духовное званіе. Итальянскій лаикъ читалъ *Виргилія* и *Горація*, но книгъ не писалъ, между тѣмъ какъ духовенство погружено было въ невѣжество или слишкомъ отдано политикѣ, чтобы принимать участіе въ научныхъ стремленіяхъ времени. Отсюда объясняется недостатокъ литературной производительности и бѣдность наличной литературы, между тѣмъ какъ съ другой стороны панегиристы и нѣсколько позже *Людпрандъ* поражаютъ насъ богатствомъ классической учености и большою стилистическою опытностью, особенно въ стихосложеніи, которое было главнымъ предметомъ школьнаго преподаванія. Потому что отдѣльные личности изъ духовнаго званія не прочь были вкусить запретнаго плода, хотя духовенство было противъ всего этого движенія, въ которомъ не безъ причины признавало языческій элементъ. Наука въ *Италіи* никогда не была въ услуженіи у церкви; она была самостоятельна, хотя почти исключительно формальна и потому непродуцирующа. *)

Позднѣйшее развитіе итальянской жизни, выразившееся впервые самостоятельно въ движеніи городовъ, разрѣшило эту непродуцирующую, принявъ въ плоть и кровь заложенное въ ней культурное начало. Не даромъ итальянскіе города впервые берутъ лѣтопись изъ рукъ церковныхъ людей: въ этомъ уже чувствуется потребность народнаго самосознанія. Въ послѣдующемъ призваніи итальянскаго языка къ литературному гражданству опять выразилась та же потребность: латинская рѣчь выродилась до неузнаваемости, до формъ новаго организма, который, разъ окрѣпнувъ, вступаетъ въ права стараго и во владѣніе его умственнымъ наслѣдіемъ. Если въ *Италіи* этотъ лингвистическій переворотъ совершился позднѣе чѣмъ въ другихъ романскихъ земляхъ, напр. во *Франціи*, то это ничего другаго не доказываетъ, какъ только то, что здѣсь самый организмъ былъ живучѣе, его разложеніе медленнѣе; если переворотъ совершается преимущественно въ городахъ, т. е. въ томъ свѣтскомъ обществѣ, которое бережетъ латинское культурное преданіе въ

*) W. Wattenbach. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter, 2 изд. стр. 202.

оппозиціи съ церковью, то и новая литература, ея выражающая, по необходимости должна пойти по слѣдамъ этого преданія. Мы теперь въ средѣ самаго блестящаго, *юродскаго* періода итальянской исторіи; это вмѣстѣ съ тѣмъ и самая блестящая пора ея литературы. Говоря о ея началахъ обыкновенно слишкомъ долго останавливаются на трубадурахъ и поэтическомъ вліяніи сицилійскаго двора, забывая, что всякая литература, если она живуча, выражаетъ собою прежде всего народное содержаніе, въ богатствѣ котораго Италия отказать нельзя; что изъ средне-итальянской полосы, стало быть изъ той, гдѣ классическая почва должна была сохраниться всего цѣльнѣе, доходятъ до насъ и самые совершенные образцы этого перваго періода поэтическаго творчества, если не самые ранніе. Последнее обстоятельство можетъ быть совершенно случайно, какъ съ другой стороны относительно позднѣй разцвѣтъ тосканской литературы легко отнести къ той живучести римскаго культурнаго начала, которая помогла намъ объяснить сравнительно позднее появленіе итальянскаго языка среди романскихъ. Мы позабываемъ, наконецъ, тотъ фактъ, что лучшіе выразители этого перваго движенія итальянской мысли совершенно сознательно стоятъ на классической почвѣ: мы говоримъ не только о Петраркѣ и Боккаччо, но и о самомъ Данте. На него обыкновенно смотрятъ, какъ на представителя среднихъ вѣковъ, разумѣется итальянскихъ; но въ темномъ лѣсу папства и императорства, мистическихъ видѣній и схоластическихъ отвлеченностей онъ первый избралъ себѣ проводникомъ *Виргилія*, когда *Jean de Meung* еще довольствуется *Bel Accueil* емъ и *Dame Oiseuse*. —Чтобъ не развлекаться частностями, стоить только бросить взглядъ на наличный литературный матеріалъ эпохи трехъ великихъ флорентійскихъ поэтовъ, чтобы поразиться ея эпигоническимъ характеромъ и общими чертами сходства съ ея великой римской предшественницей. Тѣ же пробѣлы и недостатки и тѣ же преимущества. Тамъ и здѣсь совершенное отсутствіе серьезнаго народнаго эпоса и драмы; даже мистерія является въ Италии позднѣе чѣмъ въ другихъ странахъ; за то лирика, раннее развитіе исторіографіи, и са-

тирическій родъ, столь свойственный римскому гению (*salva quidem tota nostra est. Quintil.*), выражается въ своеобразной формѣ новеллы и *cantare di piazza*, которая нигдѣ не достигаетъ такого блестящаго развитія, какъ въ Италиі. О произведеніяхъ церковной словесности или навѣянныхъ церковью мы разумѣется умалчиваемъ, какъ о недущихъ къ дѣлу; за всѣмъ тѣмъ матеріаловъ сравненія остается на столько, что основной римскій типъ старой итальянской литературы ясенъ станеть каждому, кто потрудится пойти далѣе вопроса о вліяніяхъ, которыя, какъ извѣстно, глубоко почвы никогда не взрываютъ.

За тѣмъ въ концѣ XIV-го вѣка какой-то перерывъ. Слышится испуганный голосъ: великій Панъ умеръ! Это плачь Савкетти на смерть Боккаччо:

Ora è mancata ogni poesia
 E vote son le case di Parnaso....
 Come deggio sperar che surga Dante,
 Che già chi il sappia legger non si trova?...
 Sonati sono i corni
 D'ogni parte a ricolta:
 La stagione è rivolta:
 Se tornerà non so; ma credo tardi. *)

Но оно никогда не вернется. Нѣсколько десятковъ лѣтъ пройдетъ глухо, какъ будто въ приготовленіи, и за тѣмъ новая литература классическаго Renaissance явится на смѣну старой. Она пишетъ по-латыни, и если спускается къ народной рѣчи, то подѣ условіемъ соблюденія классическаго декорума. Въ ся усиленномъ зазываніи къ римскимъ литературнымъ образцамъ, въ щеголяннн цитированной фразой и античнымъ котурномъ развѣ не чувствуется что-то искусственное, изысканное? Мы далеко ушли отъ наивныхъ восторговъ старыхъ итальянскихъ поѣтовъ передъ чудесами

*) «Теперь исчезла всякая поэзія и опустыли палаты Парнаса. Какъ мнѣ надѣяться, что возстанеть Данте, когда нѣтъ никого, кто-бы сужмѣлъ исполновать его? Уже рогъ протрубили сборъ и время пошло на сляковъ; вернется-ли оно не знаю; думаю что не скоро».

классической древности, которая открылась имъ впервые: но и самые поэты забыты; выработанная ими литературная традиція отодвинута на задній планъ; чистота итальянской рѣчи, надъ созданіемъ которой они такъ трудились, испещрена латинскими конструкціями и новыми словопроизведеніями на латинскій ладъ. Дѣло въ томъ, что самыя понятія измѣнились, общественныя и государственныя, и вмѣстѣ съ ними перемѣстился и центръ мысли. Городской строй, до-толѣ высшее выраженіе народнаго самосознанія, начинаетъ понемногу уступать новому государственному принципу, сначала на сѣверѣ Италіи, напослѣдокъ и въ Тосканѣ. Старая итальянская литература была выраженіемъ этого народнаго самосознанія; очень естественно, что она не можетъ удовлетворить потребностямъ новаго строя, который обходитъ народъ, развиваясь на обломкахъ его свободныхъ учреждений, и начинаетъ искать себѣ новаго выраженія, несвязаннаго съ подозрительными преданіями старины. Тутъ латинская литература и латинскій языкъ являлись сами собою: если во времена панегириста Беренгара народъ еще признавалъ ихъ своими, то съ тѣхъ поръ они успѣли переродиться для него въ итальянскую рѣчь и литературу итальянскихъ классиковъ, и въ XV—XVI-мъ вѣкахъ латинская древность казалась ему, если не вовсе чужою, то все-же древностью, которой смыслъ ему не ясенъ, языкъ не понятенъ. Все это представляло очень удобное орудіе для мысли, которая пожелала-бы выйдти изъ заповѣдной послѣдовательности народнаго развитія и оборвать нить государственныхъ преданій. Такъ оно и случилось, разумѣется не такъ сознательно, какъ мы это представляемъ, но несомнѣнно тѣми же путями. Новая латинская литература Возрожденія становится литературою кружка, журнальной партіи, если возможно здѣсь такое приложеніе термина; вскорѣ ею воспользуются новыя политическія стремленія дня: она дѣлается придворною, изолируется отъ народнаго движенія, оттого она искусственна. Вмѣсто того чтобы продолжать народно-литературную традицію, послѣдовательно выработавшуюся изъ классическихъ основъ, она непосредственно предлагаетъ намъ